

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

В этом номере мы открываем авторскую рубрику известного писателя Вячеслава Пьецуха.

Он создал цикл маленьких эссе, названный им

“Сравнительные комментариш к пословицам русского народа”. Речь идет, конечно, о нынешней жизни, о русском характере, о наших традициях, обычаях и привычках и откуда, собственно, они произошли.

Ведь в пословицах и поговорках, как известно, и живет душа народа.

Культура. — 2002 —
Смерть 24-30 янв.
смертью, с. 3
а крышу крой

Любопытно: отчего это в гуще народной сравнительно давно не складываются этические формулы, которые получили у нас название пословиц, отчего национальное самосознание точно истратилось и молчит? Ведь как датчанин Владимир Иванович Даль составил полный свод русских пословиц, так с тех пор, кажется, не прибавилось ни одной. Или народ поглупел? Или нам больше нечего сказать о жизни и о себе? Почему-то частушки по-прежнему сочиняют, культуре анекдота конца не видно, а пословица выродилась в дурацкую остроту и лозунг на злобу дня.

Это тем более странно, что жизнь, как говорится, идет вперед, и человек подвержен переменам, и моральные установки уже не те, но соборная мысль отчего-то не желает осваивать этот сдвиг. Может быть, дело в поголовном среднем образовании, поскольку курс родной литературы обнимает всю мудрость народную, от истины “Не имей сто рублей, а имей сто друзей” до истины “Смерть смертью, а крышу крой”. Это когда у нас было по одному грамотею на село, человек испытывал острую потребность в этических формулах, в кодексе моральных норм на все случаи жизни — теперь не то. Теперь умничать не приходится, если из русской литературы известно, что вообще “Скучно на этом свете, господи” и “Красотою спасется мир”.

А то напротив: пословицы потому больше не являются из гущи народной, что история прекратила движение свое и даже сдала назад. Тогда от соборной мысли отнюдь не следует ожидать новых этических формул, поскольку они и так оказываются в избытке, поскольку современный русак если только остановится на правиле “Не пойман — не вор”, и то получится перебор. Между тем сильно похоже на то, что наша культура развивается по убывающей, ибо квалифицированный читатель постепенно вымирает, телевидение безнаказанно дебилизирует простака (все-таки между дебилом и простаком известная разница существует), властитель дум в России давно не поэт, а думец с Охотного Ряда, и, в общем, дело идет к тому, что, как сто лет тому назад, русак перестанет понимать фразу, если в ней больше десяти слов.

В пословице, как правило, меньше десяти слов. Поэтому, загодя ужасаясь грядущим метаморфозам, стремишься вдолбить русскую пословицу в сознание предбудущих поколений, чтобы они прочно знали, что хорошо, что плохо, что можно, чего нельзя. В стране, где “Закон — что дышло: куда повернешь, туда и вышло”, только на пословицу и приходится уповать.

С другой стороны, правнук должен сообразить, какого он рода племени, кто таков по своей духовной сути, — посему для него насущны не просто комментарии к пословицам русского народа (в качестве развернутого доказательства тому, что они непреложны как абсолют), а сравнительные комментарии, иначе не понять, кто ты в семье народов, камо градеши и какая твоя судьба.

Возьмем, к примеру, пословицу “Смерть смертью, а крышу крой”. Это не столько рекомендация, сколько укоренившееся убеждение: добрые люди живут интересами жизни до последнего издыхания, несмотря на то что трагедия смерти вроде бы превращает в бессмыслицу всякий прижизненный интерес. Кажется, чего ради корячиться человеку в преклонные годы, если через сто лет в его доме будут жить незнакомые люди, через тысячу лет на месте родной деревни вырастет свечное производство, а через десять миллиардов лет Земля вообще перестанет существовать? Тем не менее он пишет романы, всю поддерживает плодородие колхозной пашни, кроет крыши и зачем-то воспитывает детей. Верно, в нем глубоко сидит родовое сознание на тот счет, что его временная жизнь есть насущная частица жизни вечной, неотъемлемое передаточное звено.

Ничего не скажешь — мысль благородная и мудрая, которая сделала бы честь любому племени на земле. Впрочем, ее отзвуки есть у арабов, говоривших: “Жизнь кончается, работа — никогда”, — а раньше всех к ней пришли древние римляне, во время оно сетовавшие на то, что искусство вечно, а жизнь до обидного коротка. Следовательно, соборное сознание у народов работает более или менее одинаково, разве что не так художественно, как у нас.

Но мы народ вообще художественный, мы и живем-то так, точно прозу пишем, а не живем. Вот редчайший случай: в последнее время родилась у нас пословица “Утром выпил — весь день свободен”. Ведь это целая повесть о русском человеке, который может действительно напиться с утра пораньше и который действительно свободен, как никто в мире, в чем, собственно, и беда.

Вячеслав ПЬЕЦУХ